

степного Заволжья. Но в северных, северо-восточных, юго-восточных и центрально-промышленных губерниях реформа почти не затронула общинных порядков.

При всей серьезности и масштабности аграрная реформа не была всесторонне научно проработана. Правительство не пыталось сделать анализ экономической эффективности помещичьих хозяйств, но точно так же оно не располагало данными, показывающими, что хуторско-отрубная система в масштабах страны эффективнее общинной. Вряд ли в такой громадной стране, как Россия, может быть разработана единая аграрная политика для всех разнообразных регионов. Не случайно в конце XIX – начале XX века ученые-аграрники А.А. Кауфман, П.П. Семенов, А.В. Чаянов широко пользовались методом порайонного изучения сельского хозяйства. Слабым местом реформы было ее недостаточное финансовое обеспечение. Упор делался на «дух предприимчивости». Прагматичность П.А. Столыпина соседствовала с идеализмом.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Аграрный вопрос в III Думе // Исторические записки. 1952. Т. 62.
2. Его же. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.
3. Государственная дума. Стенографические отчеты. Второй созыв. Сессия II. Т. 1. СПб., 1906.
4. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
5. Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.
6. Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги. М., 1999.
7. Правительственный вестник. 1906. 24 августа.

А.Н. Долгих

Липецкий государственный педагогический университет

ПОЛИТИКА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ АРЕНДНЫХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ ПРИ ПАВЛЕ I

Одним из существенных дополнений к государственной системе крепостного права в России к концу XVIII в. были имения временных помещиков или так называемые арендные, находившиеся на территории ряда западных губерний. Традиционно эти имения сдавались в аренду на определенный срок представителям остзейской и польской

аристократии. Эта традиция сохранилась и после присоединения этих регионов к России, а пожалования «аренд» стали типичным способом награждения уже и русской аристократии и чиновников. При этом российские власти сохранили здесь в принципе и систему взаимоотношений арендаторов и крестьян, основанную на инвентарных правилах или «вакенбухах», регламентирующих права владельцев и повинности их «подданных». Вопрос об арендных имениях недостаточно изучен в историографии, в особенности в плане выяснения соотношения положения этих крестьян с положением обычных крепостных или владельческих «поселян». Также недостаточно изучены и перемены, произошедшие в законодательстве по данному вопросу, в частности при Павле I, связанные с изменением в принципе правительственной политики в отношении различных категорий крестьянства в его правление и в том числе направленные на введение крепостного права в некие законные рамки, касавшиеся и проблем, связанных с арендными имениями [1, с. 39–41; 2, т. 16, № 11984; т. 19, № 13865; т. 21, № 15724; т. 38, № 28863]. Именно этот вопрос и является предметом изучения данного исследования.

Традиционно при Екатерине II эти имения давались на 12 лет. Павел, как это часто бывало, сохранил этот порядок, что было связано, как отмечал А.Б. Каменский, со стремлением к сохранению местных особенностей управления и функционирования окраинных регионов и, «видимо, должно было способствовать предотвращению там возможных конфликтов». Подобная ситуация могла быть связана и с представлениями «Павла о “рыцарской” справедливости, ибо он возвращал части своих подданных то, что полагалось им по праву, данному другими европейскими монархами». Уже актом 12 ноября 1796 г. он начал раздачу аренд «в Финляндии». Предполагалось здесь разделить государственные земли «на мызы и давать в аренду в зависимости от чинов и как в Лифляндии и Эстляндии». Интересны мотивы этого решения: «...сбор от арендаторов будет исправнее, как подушные и недоимки пресекутся; ...сельские жители, имея в арендаторах над собою надзирателей, при разных добрых заведениях, примером их будут поощрены, послушание последует, и своевольство нечувствительным образом прекратится». А указом 29 ноября 1796 г., представлявшим из себя «Наставление, каким образом поступать при отдаче пожалованных в Финляндии казенных земель в арендное содержание и об обязанностях арендаторов», учреждался порядок управления этими имениями, даваемыми на 12 лет, «чтоб они со дня пожалования, вместо прежнего платежа в казну оброка, платили все и исполняли прочие обязанности, на основании помещичьего пра-

ва, натурою». С арендатора бралось «обязательство, чтоб он сверх положенного по ревизии и по законам оброка, до будущего впредь нового оброкоположения, никакими вымышленными налогами, кроме обыкновенных, против воли их, не отягощал». Также он должен был отвечать «за взимание подушных денег»; не рубить лес сверх положенного; не допускать наличия в его имении «праздношатающихся бобылей», что должно было контролироваться Нижним Земским судом; «истреблять корчемство», но сам он мог им заниматься с разрешения вышестоящих инстанций. Он должен был вести за крестьянами «строгое наблюдение, чтоб не запускали хлебопашества и поступали во всем относительно предписанных о сельском домостроительстве законами правил. А за кем усмотрит нерадение, то может тотчас требовать осмотра, а когда нерадивый окажется по закону подверженным согласию с геймата, то земля поручается арендатору, с тем, чтоб ее, заселив, поправил». Раз в 3 года Казенная палата «через Экономии директора освидетельствовать должны вместе с землемерами и членом Нижнего Земского суда о том, как распоряжается арендатор. А если окажутся на арендатора в чем-либо от крестьян и других гейматских владельцев справедливые жалобы, то отсылают оные в Суд для решения по законам...»

Интересно, что в данном случае мы можем увидеть конкретные плоды этой его деятельности. В записках К. Массона описан эпизод с г. Николаи, получившим, как губернёр молодых графов Разумовских, крестьян. У него была земля в Финляндии, где, писал мемуарист, «нет такой крепостной зависимости крестьян, как в России. Николаи часто жаловался на это, говоря, что «эти бездельники не дают ему никакого дохода, да еще утверждают, что у них есть права». Возможно, эти заявления крестьян были связаны с особой политикой Павла в этом регионе. Так, актом 30 июля 1798 г. казенные земли, так называемые «гейматы», можно было продавать здесь лишь крестьянам. (Обсуждение этого вопроса, видимо, вызвало дискуссию в Сенате.) Дело в том, что здесь «гейматы» расхищались чиновниками (видимо, арендаторами), которые их лучше и обустроили. В силу этого, по указу, земли эти у них не отбирались, но и не должны были сдаваться в аренду и продаваться на сторону, а только казенным крестьянам. Ясно, что Павел стремился беречь казенные земли, соблюдая интересы и крестьян, но объективно и ставил здесь преграды расхищению этих земель дворянством, что было характерно для его политики, хотя и не всегда [2, т. 24, № 17546, 17586; т. 25, № 18607; 3, с. 70; 4, с. 491].

Известно, по крайней мере, одно судебное дело этого времени, в котором шла речь о так называемых субарендаторах, когда получивший

имение на условиях аренды дворянин сдавал имение вторично в аренду другому лицу. В конце 1797 г. Санктпетербургская палата суда и расправы в 1-м департаменте, производя ревизию дела о крестьянах майора Опица Кумоловской мызы Санктпетербургского уезда, находившихся в арендном содержании капитана Теренберга, по их жалобе на отягощение поборами и работами, нашла его виновным в том, что он заставлял крестьян работать на барщине 4 дня в неделю. Основанием для приговора был факт разорения крестьян. При этом было решено лишить Теренберга чинов; не допускать до аренды впредь; контракт об аренде уничтожить, а крестьян оставить у настоящих владельцев; последних обязать подпиской, чтоб они «не принуждали означенных крестьян к работе в неделю более трех дней». Об этом же говорит указ 9 апреля 1798 г., где пожалование срочных аренд на 6 лет (сенатору Кампенгаузену) и срочных аренд в бессрочное арендное содержание Эзельскому дворянству исходило из норм «шведской редукции» 1692 г., ограничивавших права арендаторов [5, с. 556–559; 2, т. 25, № 18472, 18954; т. 26, № 19291].

Особенно показателен павловский указ 10 апреля 1798 г. «О приведении в точную известность качества казенных имений, состоящих в областях, от Польши приобретенных, и о произведении новой оным люстрации» (явно недооценный в литературе и касавшийся, прежде всего, арендных имений), представлявший собой уникальный случай попытки реализации проекта инвентарной реформы, автором которого был генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин, а сам проект был инспирирован монархом, о чем прямо сказано в указе. В нем предлагалось учредить по всем поветам комиссии, которые бы состояли из поветовых маршалов, подкоморжего и хорунжего, уездного землемера, городничего или члена Нижнего Земского суда, для пересвидетельствования инвентарей «всем староствам и прочим сего рода казенным имениям своего уезда, которые должны были описать количество в каждом старостве ежегодного посева всякого хлеба, назначить посредственный урожай оногo, смотря по местному положению и качеству земли, и вообще показать все выгоды, какие в котором из тех имений находятся, равномерно освидетельствовать число дней панщизны и всяких работ, отправляемых жителями». На основании сведений от владельцев за 3 последних года комиссии должны были составить новые постановления на сей счет и представить их в казенные палаты и губернаторам, которые и установят нормы эксплуатации крестьянства в этих имениях. Павел внес одно дополнение в этот план, включив в проект положение о взятии сведений у владельцев за 6 лет. При этом Сенату было предложено прямо при-

ступить к его реализации. Предложения Репнина и указ об этом соответствовали духу павловского законодательства. Несмотря на расплывчатость формулировок, суть их очевидна и направлена на ограничение appetitов арендаторов.

В дальнейшем попытки преобразований в этом направлении предпринимались в Киевской и Выборгской губерниях, Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (на что также не указывалось в литературе). Назовем Указ 25 января 1799 г. «Об учреждении Фискалов в Подольской, Волынской, Минской, Литовской и Киевской губерниях», которые должны были «разведывать о всяком злоупотреблении власти», «дабы никому и нигде в Присутственных местах по делам проволочек не было». Они должны были два раза в год обозревать состояние губерний и доносить обо всем губернатору и генерал-прокурору. (На наш взгляд, этот акт был связан с реализацией изложенного выше проекта.) В акте 8 декабря 1799 г., созданном на опыте существования этих должностей, их компетенцию уточнили: блюсти казенный интерес, не лезть в тяжбы, не присваивать себе излишних полномочий и взимать более скромные штрафы, чем было в действительности, а в указе 9 ноября 1800 г. говорилось о проведении ревизии казенным имениям в Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Выборгской губерниях [6, л. 1; 2, т. 25, № 18475, 18670, 18826, 19218; т. 26, № 19642].

Но на деле же ситуация изменилась мало. По мнению К. Массона, помещик мог «произвольно разлучать» крестьян, «продавать, заставляя работать, как скот» [3, с. 70]. По словам Д. Б. Мертваго, в Литве «обычай отдавать имение в аренду уничтожил всякое человеколюбие и промышленность» [7, с. 100].

Заметим, что эти попытки улучшения положения арендных крестьян получили некоторое продолжение в политике и законодательстве позднейшего времени, а идеи «люстрации» нашли свое отражение в дворянских проектах решения крестьянского вопроса первой четверти XIX в. [8, с. 26–35, 58–62].

Библиографический список

1. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: в 40 т. СПб., 1832.
3. Массон К. Мемуары Массона о России / пер. с фр. П. Степановой // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 44–73.

4. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века: (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999.
5. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
6. РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Д. 130 (1818 г.).
7. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) /изд. подг. С.П. Дзюбанов, Г.Г. Мартынов. СПб.: Русская симфония, 2006.
8. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 2.

Р.Р. Вильданов

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Выборы начала XX века отличались от современных избирательных кампаний. Из средств массовой информации в начале века была лишь печать, на которую и приходилось, главным образом, опираться в предвыборной гонке. Но и это средство было недостаточно эффективным из-за низкой грамотности населения. Не умея читать и писать, большая часть населения крайне слабо разбиралась в политической ситуации. Кроме того, специфика избирательного закона делала практически ненужной массовую агитацию. Выборы были невсеобщими, неравными и непрямыми. Неравенство в политических правах определялось сословным состоянием, голосование проводилось по соответствующим куриям, в которых один депутат выбирался разным количеством голосов.

Основную ставку на печать в своей предвыборной агитации делали, прежде всего, октябристы. В силу того, что лидеры «Союза 17 октября» представляли промышленные, финансовые и торговые круги, возможности такого рода были у них колоссальны. Почти каждый отдел партии занимался издательской деятельностью. По данным ЦК Союза, в 1905–1907 гг. было издано около 80 наименований брошюр (некоторые из них – миллионными тиражами). Многие из них переиздавались и распространялись правительственными учреждениями – Синодом, Военным министерством и т. д.

В распоряжении кадетов имелось до 70 центральных газет и журналов. Качество публикаций, их убедительность, сила доказательств, красноре-